

ДЕТСКИЙ МИР И ВЗРОСЛЫЙ РИМ

Михаилу Казанскому — VIVAT!

Воспитание детей в древнем мире взрослых

Дети и взрослые: правила жизни и правила гигиены

Потустороннее детство: обряд и вещи

Одежда на вырост

Недетские деньги

Ответственный редактор — Анна В. Мастыкова

ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 4.
Archaeology and Cultural Anthropology

Children's World and Adult Rome

VIVAT to Michel Kazanski!
Educating children in the ancient world of adults
Children and adults: rules of life and hygiene
Childhood afterworld: rite and goods
Clothes a size too big
Unchildlike money

Editor-in-Charge — Anna V. Mastykova

Saint Petersburg. Kishinev. Odesa. Bucharest.
2023

Stratum plus. Nr. 4.
Arheologie și antropologie culturală

Lumea copilăriei și Roma maturității

VIVAT! — pentru Michel Kazanski
Educația copiilor în lumea antică a maturilor
Copiii și maturii: regulile vieții și regulile igienei
Copilăria de dincolo: rit și obiecte
Haină în creștere
Bani deloc copilărești

Redactor responsabil — Anna V. Mastykova

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2023

70-летию
Михаила Михайловича Казанского
посвящается

This issue is dedicated to 70th anniversary of Michel M. Kazanski

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЯРУ — VIVAT!

А. В. Мاستыкова (Москва, Россия). О Михаиле Казанском и его семье	15
Список опубликованных научных трудов М. М. Казанского (сост. А. В. Мастыкова)	35
Фотоальбом	51
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Ленинградские исследователи раннеславянских древностей Днепровского лесостепного Левобережья	83

ДЕТИ В МИРЕ ВЗРОСЛЫХ

Т. С. Жумаганбетов (Актобе, Казахстан). Дети и детство у средневековых тюрок VI—VIII вв.	101
Г. В. Требелева (Москва, Россия), А. С. Кизилев (Сочи, Россия), В. С. Смирнов (Москва, Россия). Реконструкция мира детства в древностях Западной Колхиды: взгляд археолога и педагога на артефакты и этнографию	113

ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ: ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРАВИЛА ГИГИЕНЫ

П. П. Гецко (Симферополь, Крым), Н. Г. Свиркина (Москва, Россия), М. О. Филимонова, С. М. Слепченко (Тюмень, Россия). Комплексное исследование индивидов из двух могил некрополя Кыз-Аул	127
М. В. Добровольская, Н. Г. Свиркина, С. В. Языков, А. Н. Свиридов (Москва, Россия). Образ жизни детей и взрослых варварской округи Херсонеса (по материалам могильников Фронтное 3 и Киль-Дере 1)	139

ДЕТИ ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ

И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Гендерные маркеры погребений римского времени из могильника Опушки	155
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (Краснодар, Россия). Детские погребения первых веков н. э. из могильника Старокорсунского городища №2	181
С. В. Ярцев, В. Г. Зубарев, Е. В. Шушунова, А. А. Внуков (Тула, Россия). Детские погребения городища «Белинское» и его некрополя	197
С. В. Васильев, Г. А. Белова, А. Б. Савинецкий, С. Б. Боруцкая, Н. В. Харламова (Москва, Россия). Захоронение римского времени в египетском Файюме подростка с собаками	211
А. Н. Свиридов (Москва, Россия). Подбойные детские погребения IV в. н. э. из могильника Фронтное 3	229
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Детские погребения раннесредневекового некрополя Боспора	239

ВЕЩИ В ДЕТСКОМ ЗАГРОБНОМ МИРЕ

- О. С. Румянцева (Москва, Россия), Д. В. Бейлин (Симферополь, Крым),
И. В. Рукавишникова (Москва, Россия). Стекланные сосуды из детских
погребений могильника «Александровские скалы 1» в Восточном Крыму . . . 261
- А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Антропоморфные подвески из детской
могилы некрополя римского времени Фронтное 3: случайность или
закономерность? . . . 277
- А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова (Москва, Россия). Воинские традиции
в детском костюме элиты позднеантичной Фанагории . . . 289
- Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Детские погребения с большой пряжкой
из Юго-Западного Крыма . . . 305

ОДЕЖДА НА ВЫРОСТ

- М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Уникальные
фибулы группы *Bügelknopffibeln* на могильнике позднеримского
времени Войтенки . . . 325
- В. Н. Зинько (Керчь, Крым). Фибулы из раскопок боспорского города Тиритака
(этнический маркер или ...?) . . . 349
- А. А. Кадиева, С. В. Демиденко (Москва, Россия). Новая находка провинциально-
римских шарнирных брошей с эмалью и мозаичным стеклом на Северном
Кавказе . . . 355
- М. М. Казанский (Париж, Франция), М. Е. Ткачук, Д. А. Топал (Кишинев, Молдова).
Княжеская фибула из села Рэзень . . . 365

НЕДЕТСКИЕ ДЕНЬГИ

- М. М. Чореф (Нижневартовск, Россия). Статеры Тейрана с обозначением даты
выпуска ГЭФ как источник исторической информации . . . 377
- А. М. Воронцов (Тула, Россия). Тульский феномен: новые находки позднеримских
бронзовых монет с правобережья верхней Оки . . . 387

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. М. Обломский (Москва, Россия). Раннеславянские памятники в среднем
течении р. Ворона . . . 409
- Список сокращений . . . 427
- Авторам *Stratum plus* . . . 429

C O N T E N T S

VIVAT TO MICHEL KAZANSKI!

A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). About Michel Kazanski and his Family . .	15
M. Kazanski's scientific bibliography (compiled by A.V. Mastykova)	35
Photo Album	51
V. V. Pryimak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Leningrad Researchers of Early Slavic Antiquities in the Dnieper Left Bank Forest-steppe	83

EDUCATING CHILDREN IN THE ANCIENT WORLD OF ADULTS

T. S. Zhumaganbetov (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>). Children and Childhood among the Medieval Türks. 6th—8th Centuries	101
G. V. Trebeleva (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. S. Kizilov (<i>Sochi, Russian Federation</i>), V. S. Smirnov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Reconstruction of Childhood in the Antiquities of Western Colchis: an Archaeologist's and Pedagogue's View of Artifacts and Ethnography	113

CHILDREN AND ADULTS: RULES OF LIFE AND HYGIENE

P. P. Getsko (<i>Simferopol, Crimea</i>), N. G. Svirkina (<i>Moscow, Russian Federation</i>), M. O. Filimonova , S. M. Slepchenko (<i>Tyumen, Russian Federation</i>). A Comprehensive Study of Individuals from Two Graves of the Kyz-Aul Necropolis	127
M. V. Dobrovolskaya , N. G. Svirkina , S. V. Yazikov , A. N. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Lifestyle of Children and Adults in the Barbarian Environ of Chersonesos (Based on Materials from Frontovoe 3 and Kil-Dere 1 Necropolises) . .	139

CHILDHOOD AFTERWORLD: RITE AND GOODS

I. N. Khrapunov , A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Gender Markers of the Roman-period Burials in the Cemetery of Opushki	155
N. Yu. Limberis , I. I. Marchenko (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Child's Burials of the First Centuries A.D. in the Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement No. 2 . .	181
S. V. Yartsev , V. G. Zubarev , E. V. Shushunova , A. A. Vnukov (<i>Tula, Russian Federation</i>). Children's Burials of the Ancient "Belinskoye" Settlement and its Necropolis . .	197
S. V. Vasilyev , G. A. Belova , A. B. Savinetskiy , S. B. Borutskaya , N. V. Kharlamova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). A Roman Time Burial of a Teenager with Dogs in Egyptian Fayum	211
A. N. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Children's Niche Graves of the 4th Century AD from Frontovoe 3 Cemetery	229
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Children's Burials from an Early Medieval Necropolis in the Bosphorus Lane	239

GOODS IN CHILDREN AFTERWORLD

- O. S. Rumyantseva** (*Moscow, Russian Federation*), **D. V. Beylin** (*Simferopol, Crimea*),
I. V. Rukavishnikova (*Moscow, Russian Federation*). **Glass Vessels from the Children's
 Burials of the Alexandrovskie Skaly 1 Necropolis in the Eastern Crimea** 261
- A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Anthropomorphic Pendants from a
 Children's Grave in a Roman Period Necropolis Frontovoe 3: Coincidence or
 Regularity?** 277
- A. N. Voroshilov, O. M. Voroshilova** (*Moscow, Russian Federation*). **Warrior Traditions
 in Elite Children Clothes from Late Antique Phanagoria** 289
- E. A. Khairedinova** (*Simferopol, Crimea*). **Children's Burials with a Great Buckle
 from the South-western Crimea** 305

CLOTHES A SIZE TOO BIG

- M. V. Lyubichev** (*Kharkiv, Ukraine*), **E. Schultze** (*Berlin, Germany*). **Unique Brooches
 of the *Bügelknopffibeln* Group at the Burial Ground of the Late Roman
 Period Voitenki** 325
- V. N. Zin'ko** (*Kerch, Crimea*). **Fibulae from the Excavations of the Bosporan City of
 Tyritake (either an Ethnic Marker or ...?)** 349
- A. A. Kadieva, S. V. Demidenko** (*Moscow, Russian Federation*). **A New Find of Provincial
 Roman Brooches with Enamel and Mosaic Glass in the Northern Caucasus . . .** 355
- M. M. Kazanski** (*Paris, France*), **M. E. Tkachuk, D. A. Topal** (*Kishinev, Moldova*).
Princely Fibula from the Răzeni Village 365

UNCHILDLIKE MONEY

- M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **Teiranes's Staters with Issue Date
 Designation ΓΞΦ as Source of Historical Information** 377
- A. M. Vorontsov** (*Tula, Russian Federation*). **Tula Phenomenon: New Finds of the Late
 Roman Bronze Coins from the Right Bank of the Upper Oka** 387

NEW MATERIALS AND STUDIES

- A. M. Oblomskiy** (*Moscow, Russian Federation*). **Early Slavic Archaeological Sites
 in the Middle Reaches of the Vorona River** 409

Abbreviaations 427

Submissions 429

И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова

Гендерные маркеры погребений римского времени из могильника Опушки

Keywords: Crimean foothill area, Opushki cemetery, grave goods, female burials, male burials, child burials, gender

Cuvinte cheie: Crimeea pre-montană, necropola Opushki, inventar funerar, morminte de femei, morminte de bărbați, morminte de copii, gender

Ключевые слова: предгорный Крым, могильник Опушки, погребальный инвентарь, женские погребения, мужские погребения, детские погребения, гендер

I. N. Khrapunov, A. A. Stoianova

Gender Markers of the Roman-period Burials in the Cemetery of Opushki

This paper makes an attempt to identify the markers of various gender groups among those buried in the cemetery of Opushki, which is located in the central part of the Crimean foothill area. A total of 266 burials (167 child, 59 female, and 40 male graves) dating from the first to fourth century AD have been analysed. All these monuments belong to the Late Scythian and the Neizats archaeological cultures. The analysis undertaken indicates that neither grave construction, nor funeral rite had gender specificity. In this perspective, the composition of grave goods was more expressive.

The exclusively female and child accessories were mirrors, spindle whorls, and bells; moreover, graves of children usually received only fragments of mirrors, though women's burials got complete artefacts. Scythian arrowheads, faience amulets, and pendants made of coins and mollusc shells were predominantly children's attributes. The finds of weapons, horse harness, and iron rod-shaped artefacts and flints, probably used to make fire, were associated with male graves only. The buckles were also concentrated mostly in male graves. Although the brooches, ornaments, vessels, knives, and whetstones appeared in the burials of all sex-and-age groups, gender specificity might be observed in minor details, i.e. quantity, frequency of occurrence, ways of usage, and so on. It is especially pronounced with the ornaments, mainly in case of the beads.

I. N. Khrapunov, A. A. Stoianova

Marcatorii de gender ai mormintelor epocii romane din necropola Opushki

Prin intermediul articolului, am încercat să scoatem în evidență marcatorii diferitor grupuri de gender al celor înmormântați în necropola Opushki, aflată în partea centrală a regiunilor premontane ale Crimeei. În total au fost analizate 266 de morminte, date în general în sec. I—IV e.n.: 167 de copii, 59 de femei și 40 de bărbați. Ele toate sunt atribuite culturilor arheologice scitică târzie și Neizats. Analiza efectuată a arătat că nici construcția mormintelor, nici ritul funerar nu posedă specific de gender. Mai expresivă din acest punct de vedere s-a dovedit a fi componența inventarului funerar.

Accesorii exclusiv feminine și de copii sunt oglinzile, fusaiolele și clopoțeli, totodată în mormintele de copii depuneau, ca regulă, fragmente de oglinzi, iar în cele de femei — exemplare întregi. Preponderent atribuite pentru copii erau vârfurile de săgeți scitice, amulete de faianță, pandantivele din monede și cochilii de moluște. În exclusivitate de mormintele de bărbați sunt legate descoperirile de arme, detaliile de căpăstru, precum și piesele de fier în formă de tijă și cremenii, ce serveau, posibil, drept dispozitive pentru obținerea focului. Cataramele de asemenea sunt concentrate îndeosebi în mormintele de bărbați. Fibulele, podoabele, vasele, cuțitele, pietrele de ascuțit se întâlnesc în mormintele tuturor grupurilor de sex-vârstă, dar specificul de gender se întrevește în detalii — cantitatea, frecvența de apariție, modalitățile de utilizare etc. Deosebit de elocvent acest lucru îl demonstrează podoabele, în principal — măgelele.

И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова

Гендерные маркеры погребений римского времени из могильника Опушки

В статье предпринята попытка выявить маркеры различных гендерных групп погребенных в могильнике Опушки, расположенном в центральной части крымских предгорий. Всего проанализировано 266 захоронений, датирующихся в целом I—IV вв. н.э.: 167 детских, 59 женских и 40 мужских. Все они относятся к позднескифской и нейзачной археологическим культурам. Проведенный анализ показал, что ни конструкции могил, ни погребальный обряд не обладают гендерной спецификой. Более выразительным с этой точки зрения оказался состав погребального инвентаря.

К исключительно женским и детским аксессуарам относятся зеркала, пряслица и колокольчики, при этом в детские погребения опускали, как правило, обломки зеркал, а в женские — целые экземпляры. Преимущественно детскими атрибутами являлись скифские наконечники стрел, фаянсовые амулеты, подвески из монет и раковин моллюсков. Исключительно с мужскими погребениями связаны находки оружия, деталей конской сбруи, а также железных стержневидных предметов и кремней, служивших, вероятно, приспособлениями для добывания огня. Пряжки также сосредоточены в основном в мужских могилах. Фибулы, украшения, посуда, ножи, оселки встречаются в погребениях всех половозрастных групп, но гендерная специфика просматривается в деталях — количестве, частоте встречаемости, способах использования и т.д. Особенно ярко это демонстрируют украшения, главным образом — бусы.

Гендерные исследования позволяют углубить и дифференцировать знания о любом обществе, а возможность использования для этих целей археологических данных, особенно материалов погребений, не вызывает сомнений (Крадин и др. 2005: 67, 68; Берсенева 2011: 80—98; Балабанова и др. 2015: 230, 231). Половозрастная структура населения крымских предгорий римского времени пока изучена очень слабо, специальных исследований по этой теме нет, выделялись лишь отдельные гендерные признаки в рамках анализа некоторых категорий инвентаря (Стоянова 2011а; 2021а; Труфанов 2019; 2020; Храпунов 2010) или публикаций отдельных погребений (Стоянова 2012; Храпунов 2006а; 2006б; 2007а; 2007б; Trufanov, Mordvintseva 2019). Поиск маркеров, позволяющих выделить различные гендерные группы людей, оставивших позднескифскую и нейзацкую культуры предгорного Крыма, является целью данной работы. Предметом анализа будет материал, полученный при раскопках Опушкинского могильника.

Состояние источников и методические особенности

Могильник Опушки расположен в центре крымских предгорий, в 15—20 км к востоку от Симферополя. Раскопки памятника ведутся с перерывами с 2003 г. За это время раскопано 399 погребальных сооружений, в том числе 54 склепа, 144 подбойных могилы, 198 грунтовых могил, 1 каменный склеп, 1 каменный ящик, 1 плитовая могила (рис. 1). Могильник использовался непрерывно с I в. до н.э. до IV в. н.э. включительно. Он поликультурен. Раннюю группу погребальных сооружений представляют склепы I в. до н.э. — первой половины II в. н.э., относящиеся к позднескифской культуре. Склепы и другие погребальные сооружения III—IV вв. н.э. относятся к нейзацкой археологической культуре. Многочисленные подбойные и грунтовые могилы второй половины I—III вв. н.э. можно отнести и к той, и к другой традиции (некоторые итоги раскопок могильника см.: Храпунов 2021а).

Большинство погребальных сооружений Опушкинского могильника разграблено в недавнее время. Кости и погребальный инвентарь перемещены, выброшены из могил или унесены грабителями. Это обстоятельство существенно сокращает выборку подходящих для анализа погребений, что, конечно, сказывается на достоверности наших выводов.

Кроме того, за рамками нашего исследования остались позднескифские склепы I в. до н.э. — середины II в. н.э. Погребальные традиции, в соответствии с которыми в каждый склеп помещали множество погребенных, хоронили их непосредственно друг на друге, без прослоек земли, кости ранее погребенных и инвентарь сдвигали, привели к тому, что, как правило, становится невозможным соотнести предметы погребального инвентаря с конкретным костяком. Всего раскопано 19 таких склепов. Определить количество погребенных в них не представляется возможным (все они в той или иной мере ограблены). Но учитывая, что некоторые склепы содержали около 130 костяков (Храпунов и др. 2009; Храпунов, Стоянова 2020), можно предположить, какой огромный массив информации оставлен за скобками, а все наши выводы, касающиеся погребений раннеримского времени, справедливы лишь для небольшой части коллектива, хоронившей умерших в индивидуальных могилах.

Любые палеосоциальные реконструкции опираются на антропологические данные. Для Опушкинского могильника эти данные отрывочны: часть погребений осталась неизученной антропологами, а состояние многих костных останков таково, что сделать какие-либо половозрастные определения невозможно¹.

Все эти обстоятельства привели к тому, что пригодными для нашего анализа оказались 266 погребений. 63% отобранных погребений — детские, 22% и 15% — женские и мужские соответственно (табл. 1). Существенное преобладание детских погребений объясняется следующими причинами. Детские могилы не интересовали грабителей, к тому же из-за небольших размеров их трудно обнаружить. Поэтому большинство детских могил не было разграблено, но даже разграбленные могилы легко определяются как детские из-за своих размеров.

В 95 случаях антропологи установили возраст погребенных: самую многочисленную группу составляют дети в возрасте до 6 лет, наименьшую — взрослые старше 50 лет (табл. 1). Детские костяки сохраняются очень плохо или не сохраняются вовсе — это обусловило высокий процент детских погребений с неопределенным возрастом. Кроме того, ан-

¹ Тем не менее, значительное число погребений в разное время было изучено В.Ю. Радочиным, В.И. Безбородых и Н.Г. Свириной. Мы используем предоставленные ими половозрастные определения костяков и благодарим за проведенные исследования.

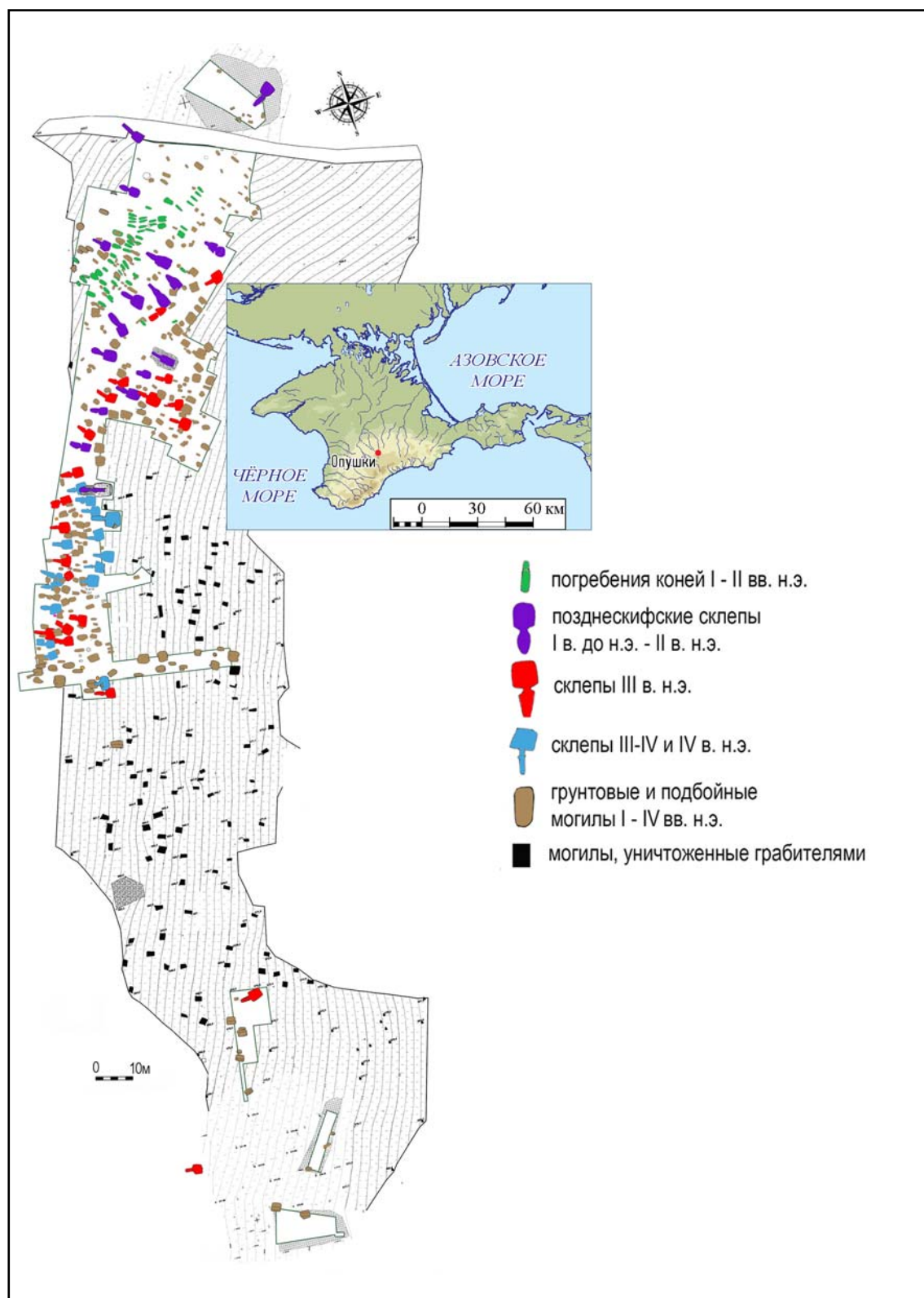

Рис. 1. Могильник Опушки. Месторасположение и общий план.

Fig. 1. The cemetery of Opushki. Location and general plan.

Таблица 1.

Общая характеристика выборки погребений*

Гендер	Все-го	Распределение по хронологическим группам				Возраст						
		1 ХГ	2 ХГ	3 ХГ	Дата неизвестна	Inf. I	Inf. II	Juv.	Ad.	Mat.	Sen.	Не опред.
Д	167	64	18	9	76	45	8	—	—	—	—	114
Ж	59	19	27	13	—	—	—	4	10	7	1	37
М	40	10	7	20	3	—	—	1	12	4	3	20
Всего	266	93 (35)	52 (19,5)	42 (15,5)	79 (30)	45 (17)	8 (3)	5 (1,8)	22 (8,2)	11 (4)	4 (1,5)	171 (64)

* Используемые в таблице сокращения: Д — детские погребения, Ж — женские, М — мужские, ХГ — хронологическая группа. В строке «Всего» первое число обозначает количество погребений, число в скобках — процент данной группы погребений от общего числа погребений в выборке. Возрастные группы даны в соответствии с принятым в физической антропологии делением: Infantis I (от новорожденности до 6 лет); Infantis II (от 6 лет до 13—14 лет); Juvenis (15—20 лет); Adultus (20—35 лет); Maturus (35—50 лет); Senilis (старше 50 лет) (Балабанова и др. 2015: 17).

тропологи, как правило, не могут определить пол детей, даже по сохранившимся костям.

По хронологии все захоронения разделены на три группы: 1-я — погребения, датированные I — первой половиной II в. или II в. н. э.; 2-я группа — погребения второй половины/конца II — середины III в.; 3-я группа — погребения второй половины III—IV вв.² 30% погребений, в основном детские, датировать проблематично из-за невыразительности инвентаря. Больше всего погребений выборки приходится на раннеримское время (табл. 1).

Гендерные особенности погребенных могут проявляться во всех элементах, связанных с погребальной практикой: конструкциях могил, погребальном обряде и сопровождающем инвентаре. Рассмотрим каждый из этих элементов в разрезе половозрастной принадлежности погребенных с учетом хронологических трансформаций.

Погребальные сооружения

На протяжении всего периода функционирования некрополя представители всех трех половозрастных групп хоронили в разных погребальных сооружениях — грунтовых, подбойных могилах и склепах. Но предпочтения в использовании той или иной конструкции менялись со временем (табл. 2). Так, обряд захоронений умерших в грунтовых могилах

преобладал в раннеримское время: в таких могилах похоронено 53% детей 1-й хронологической группы, 70% мужчин этой же группы и 58% женщин. В более позднее время случаи использования грунтовых могил единичны. Альтернативной конструкцией в это время являлись подбойные могилы, в которых захоронено 40 индивидов (43% выборки этого времени)³. С середины — второй половины II в. до середины III в. одинаково часто умерших хоронили в подбойных могилах и склепах отличной от позднескифских конструкции, причем для захоронений мужчин использовали исключительно склепы, детей предпочитали хоронить в подбойных могилах, а женщин в почти равной степени и там, и там. После середины III в. большую часть умерших хоронили в склепах, погребения в индивидуальных могилах составляют менее 10%.

Гендерными различиями, по всей видимости, обусловлены некоторые конструктивные особенности погребальных сооружений, использовавшихся для индивидуальных погребений, причем все эти особенности отмечены в детских могилах. Самая очевидная особенность детских погребальных конструкций — их размер, обычно соответствующий росту детей. Хотя известны 4 случая — мог. №№14, 73, 241 и 258 — когда размер могилы несоизмеримо больше погребенного в ней⁴. Для

² Это деление в некоторой степени условно, поскольку в выборке есть погребения с «пограничной датой», например, совершенные около середины III в. н. э., сочетающие в себе инвентарь и первой, и второй половины столетия. Такие погребения отнесены нами к 3-й хронологической группе.

³ Нельзя забывать об активном использовании в I — первой половине II в. н. э. склепов с многократными погребениями, в которых, как отмечалось выше, в этот период совершалось подавляющее большинство захоронений, причем хоронили там представителей всех половозрастных групп.

⁴ В подбойной могиле №73 длиной 1,95 м, по дан-

Таблица 2.
Распределение погребений по типам погребальных сооружений

Тип погребального сооружения	Хронологические группы			Дата не определена
	1 ХГ	2 ХГ	3 ХГ	
Дети				
Грунтовые	34	2	-	42
Подбойные	29	12	3	31
Склеп	—	4	5	1
Плитовая	1	—	—	—
Над сводом склепа	—	—	1	—
Мужчины				
Грунтовые	7	—	1	—
Подбойные	3	—	—	3
Склеп	—	7	19	—
Женщины				
Грунтовая	11	—	—	—
Подбой	8	12	1	—
Склеп	—	15	12	—

погребения детей выкапывали, как правило, неглубокие могилы, часто даже не в материке, а в предматериковом суглинке или перекрывающем его слое темной земли, т.е. совсем неглубоко от дневной поверхности. Вероятно, с целью их сохранности от случайного разрушения в процессе использования некрополя, детские могилы часто маркировались небольшой наброской из необработанного камня. Иногда над грунтовыми могилами устраивали плитовые перекрытия, а в подбойных могилах не ставили каменный заклад. Какая-либо корреляция этих особенностей с возрастом детей или временем сооружения могилы не прослеживается. Стоит также отметить, что для детских погребений могли использовать и вовсе необычные конструкции, например, специально сооруженный детский склеп или плитовую могилу (Стоянова 2012: 10—11, 20—21, 63—68)⁵.

ным антропологического анализа сохранившихся костей, похоронена девочка 10—11 лет (Стоянова 2012: 88). В могилах №№14 (Храпунов, Стоянова 2013: 188), 241 и 258 кости погребенных не сохранились. Но сам по себе этот факт, а также очень компактное расположение в центре могилы сохранившегося *in situ* инвентаря, притом очень показательного с точки зрения возможного местонахождения вещей на костяке, позволили нам отнести эти погребения к числу детских.

⁵ Погребение ребенка содержал и единственный в Опушкинском могильнике каменный ящик с кремацией (Храпунов, Мульд 2005), но поскольку этот обряд совершенно не типичен для оставившего некрополь коллектива, данный случай не вошел в нашу выборку.

Погребальный обряд

Подбойные и грунтовые могилы использовались в основном для индивидуальных погребений, однако в некоторых могилах раннеримского времени выявлены парные или коллективные захоронения. Чаще всего этот феномен связан с детскими погребениями — уверенно можно говорить о 13 таких могилах⁶, причем в 12 случаях погребальные сооружения использовались только для детских захоронений (табл. 3). Они, преимущественно, парные, в трех могилах похоронили по 3 ребенка, а в подбойной могиле №57, которая датируется I—II вв., обнаружено семь черепов детей в возрасте 0,5—5 лет. Такая ситуация может свидетельствовать об их одновременной смерти, например, из-за болезни. Со взрослыми детей не хоронили, за исключением грунтовой могилы №21, которая содержала останки 19 представителей разных половозрастных групп. Не индивидуальные погребения взрослых встречаются реже, все они относятся к 1-й хронологической группе и, в основном, парные: чаще — женщина с мужчиной (4 могилы), в одном случае — две женщины.

Что касается склепов позднеримского времени, то все они содержали смешанные погребения. Стоит отметить только несколько случаев, когда на женском костяке или в непосредственной близости от него фиксируются скопления вещей и зубы — единственное, что сохраняется от детских погребений, — которые свидетельствуют о том, что вместе с женщиной был похоронен малолетний ребенок.

Остатки гробов отмечены только в погребениях III—IV вв.н.э., в них хоронили в основном взрослых, мужчин — несколько чаще, чем женщин (15 и 9 случаев соответственно). Такая же ситуация наблюдается с присутствием в захоронениях скорлупы от яиц. Углем посыпали чаще всего пол в камерах склепов, особенно распространенной эта традиция была в III в.н.э., когда на такой подсыпке хоронили и взрослых, и детей. В более раннее время угли присутствовали только в двух женских погребениях, а во второй половине III—IV вв. на такую подсыпку клали только взрослых. Часто умерших сопровождали куском мяса на кости. Следы этого обычая наблюдаются в основном в погребениях взрослых, в дет-

⁶ Их могло быть и больше, но в тех могилах, где детские костяки не сохранились, судить о количестве погребенных проблематично.

Таблица 3.

Особенности погребального обряда *

	1 хроногруппа					2-я хроногруппа					3-я хроногруппа					Дата не определена				
	КП	Гр	УП	ЯС	КЖ	КП	Гр	УП	ЯС	КЖ	КП	Гр	УП	ЯС	КЖ	КП	Гр	УП	ЯС	КЖ
Д	7	—	—	—	1	2	1	4	—	1	—	—	—	—	1	4	—	—	—	—
М	5	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	3	4	4	6	—	—	—	—	—
Ж	6	—	2	—	3	—	2	5	1	4	—	2	2	1	3	—	—	—	—	—

Сокращения, использованные в таблице: КП — коллективные погребения (более 1 погребенного в индивидуальной могиле (грунтовая, подбойная), указано кол-во могил с такими случаям), Гр — остатки гроба, УП — угольная подсыпка, ЯС — яичная скорлупа, КЖ — кость животного; Д — детские погребения, М — мужские, Ж — женские.

ских могилах кость животного отмечена лишь три раза, но, как и у женщин, в погребениях всех трех хронологических групп. В мужских погребениях остатки заупокойной пищи фиксируются преимущественно во второй половине III—IV вв.

Погребальный инвентарь

Состав инвентаря из всех погребений выборки продемонстрирован в приложении 1. В таблицах, приведенных в тексте, представлены сведенные значения и опущены категории инвентаря, не встреченные в погребениях более одного раза.

Детские погребения. Основные категории вещей, использовавшихся в качестве детского погребального инвентаря, видны в таблице 4. Обращает на себя внимание в полном смысле слова обязательное использование бус — они найдены в 98% детских погребений. Количество бус в погребении варьируется от 2—3 единиц до 2—3 сотен экземпляров. По погребениям, от которых остается, в лучшем случае, несколько костей, трудно сказать, как именно использовались бусы. По отдельным примерам видно, что бусы были в ожерельях и ими расшивали одежду, преимущественно плечевую. Иногда бусы лежат на костях рук. В таких случаях нельзя решить, расшивали ими рукава или делали из них браслеты. Примечательно, что, в отличие от женских захоронений, бусы остаются неотъемлемой частью инвентаря детских могил и в IV в.

Стандартным элементом ожерелья были разнообразные подвески из египетского фаянса — они обнаружены в 14% детских погребений, относящихся, в основном, к I—II вв. н. э. Как правило, они использовались по одной, дополняя многочисленные бусы (Стоянова 2012: 82—88).

Обычным украшением служили браслеты из бронзы, реже из железа, сопровождавшие

27% погребений. В большинстве случаев их носили по одному, но нередко браслеты украшали обе руки. Частота встречаемости браслетов несущественно снижается со временем: если в 1-й хронологической группе они встречаются почти в каждом втором захоронении, то в 3-й группе — в каждом третьем. Реже, чем браслеты, в детских могилах присутствуют кольца и серьги, причем кольца с перстнями сосредоточены преимущественно в погребениях раннеримского времени.

Фибулы зафиксированы лишь в 15% погребений. Несмотря на то, что большинство застежек обнаружено в комплексах I—II вв. н. э., в процентном соотношении больше всего погребений с фибулами приходится на 2-ю хронологическую группу (вторая половина II — первая половина III вв.) — 44%. В более раннее и в более позднее время фибулы использовали значительно реже (23% и 22% погребений соответственно). Как правило, захоронение сопровождалось одной застежкой. Только в одном случае, в мог. №241 (1-я группа), обнаружено 3 фибулы, расположенных вертикально в ряд, предположительно от грудной клетки до тазовых костей. Сохранность костяков из 4 могил позволила определить возраст умерших — 1 год, 3 года, 6—7 лет и 8—12 лет. Эти данные свидетельствуют о том, что фибулы в детском костюме I — первой половины III в. н. э. могли использоваться на протяжении всей жизни ребенка, начиная с года. В захоронениях младенцев фибулы не обнаружены.

20% детских погребений сопровождалось колокольчиками. Доля захоронений с этими предметами в разрезе хронологических групп варьируется не сильно, т. е. традиция снабжать детей «шумящими» подвесками была достаточно устойчивой на протяжении нескольких столетий. Ограничивались, как правило, одним колокольчиком, захоронения с двумя подвесками единичны.

Таблица 4.

Инвентарь детских погребений

Хронологическая группа	Всего погребений	Бусы	Подвеска фаянс.	Браслеты	Кольца, перстни	Серьги	Фибулы	Зеркало целое	Зеркала фр-т	Колокольчик	Наконечник стрелы	Монеты	Раковины	Сосуды гончарные и краснолаковые	Сосуд лепной	Сосуд стекл. фр-ты	Пряслище	Оселок	Кольцо с шишечками	Астрагалы	Нож
1	64	64	19	27	12	8	15	4	6	17	5	5	1	9	6	1	—	—	3	4	2
2	18	18	1	7	5	5	8	1	5	6	1	1	1	6	3	—	2	2	—	1	2
3	9	8	—	3	2	3	2	—	2	2	—	—	—	2	2	—	1	—	—	—	2
Б/д	76	74	4	8	6	8	—	—	—	9	4	—	6	3	7	2	1	1	2	1	2
% от всех дет. погр.	100	98	14	27	15	14	15	3	8	20	6	3	5	12	11	1	2	2	3	3	5

Неожиданным можно назвать факт использования скифских бронзовых втульчатых наконечников стрел, самые поздние из которых были изготовлены в IV в. до н.э. Они найдены в десяти детских погребениях (6% от общего количества). Вероятно, люди, хоронившие в могильнике Опушки, разоряли скифские и таврские захоронения, где и находили экзотические для них изделия, использовавшиеся в качестве подвесок, возможно, амулетов (об этом см.: Храпунов и др. 2021; Канторович, Храпунов 2021). Примечательно, что во всех случаях, когда удалось определить возраст погребенных, оказалось, что наконечники сопровождали совсем маленьких детей возрастом 1,5—3 месяца, около 1 года и 1—1,5 года.

Не часто исследователи обращали внимание на раковины, которые, как выясняется, нередко опускали в могилы вместе с детьми (восемь случаев в могильнике Опушки). Кажется, впервые фиксируем факт использования обломков стеклянных сосудов в качестве погребального инвентаря. Они найдены в трех неразграбленных могилах. 11% погребений сопровождалось зеркалами. Чаще вместе с детьми опускали в могилы обломки зеркал — зафиксировано 13 таких случаев. Причем всегда разбивали зеркала определенного вида — с боковой петлей типа Хазанов-IX (Хазанов 1963: 66—67), и в могилу предпочитали опускать фрагмент с выступом-петлей (иногда эти фрагменты находят вместе с бусами, возможно, они входили в состав ожерелий, и, в таком случае, стремление использовать часть зеркала с петлей обусловлено практической целью). В пяти могилах найдены

целые или почти целые зеркала. Безусловно целыми в могилы клали дисковидные изделия (тип Хазанов-VI (Хазанов 1963: 58, 64)), 3 погребения). Еще в двух могилах обнаружены зеркала-подвески типа Хазанов-IX. В обоих случаях они фрагментированы, однако утраты эти незначительны и не совсем понятны их причина — была ли нарушена их целостность перед тем, как опустить в могилу, или мы имеем дело с не очень хорошей сохранностью предмета.

В 4 могилах, содержавших захоронения детей разного возраста (1—2 года, 6 и 12—14 лет), обнаружены пряслища. Вероятно, эти изделия стали класть в могилы детей начиная с первой половины III в., по крайней мере, в погребениях более раннего времени они не найдены. К числу редко встречаемых находок также относятся оселки (зафиксированы в 3 погребениях), кольца с «шишечками» (5 погребений), бронзовые подвески (7 погребений), гривна (1 погребение) и монеты (6 погребений). Монеты, кроме одной, сопровождали захоронения раннеримского времени, причем только детей до 5 лет. Все монеты имели отверстия и использовались в качестве подвесок.

Погребальный инвентарь детских погребений не отличается богатством, в нем отсутствуют изделия из драгоценных металлов. Положение дел в этом отношении несколько меняется во второй половине III в. В четырех детских могилах найдены драгоценные украшения, выполненные в полихромном стиле позднеимского времени (в могилах №№14, 124 и 133 — по паре серег (Храпунов, Стоянова 2013: 188—190; Храпунов 2018: 138;

2020: 249—250), в могиле №346 — браслет и нагрудное украшение (Храпунов, Стоянова 2022: 271, рис. 14: 1, рис. 15), и другой разнообразный инвентарь. Похороненному в могиле №124 ребенку было 1—1,5 года, в могиле №133—1—2 года, возраст погребенных в могилах №14 и №346 определить невозможно, т.к. кости не сохранились.

Женские погребения. Как и у детей, в женских погребениях наиболее яркой и почти неотъемлемой категорией инвентаря являются бусы, сопровождавшие 92% захоронений (табл. 5). Бусы являлись главным декором костюма в течение всего периода функционирования Опушкинского могильника, но способы их использования и состав наборов неоднократно менялся. В I — первой половине II вв. н. э. женщины предпочитали небольшие, в несколько десятков бус, однонитевые ожерелья, иногда сочетавшиеся с носившимися на запястьях браслетами. Украшение бусами нижней части поясной одежды и обуви отмечено лишь в четырех могилах раннеримского времени, все они — подбойные. С середины II в. в бусинном декоре происходят изменения, в частности, значительно увеличивается количество бус в погребениях, доходя иногда до 1000 и более экземпляров. В это время складываются устойчивые комбинации составляющих наборы типов бус, бытующие до середины III в. и придающие своеобразие костюму женского населения крымских предгорий (Стоянова 2011а: 119—120). Особенно яркой для этого периода была традиция украшать нижнюю часть поясной одежды сотнями стеклянных бус, расположенных горизонтальными рядами и образующих достаточно широкий и тяжелый «орнаментальный пояс» (Стоянова 2021а). В погребениях 2-й хронологической группы такая обшивка зафиксирована в 17 случаях, причем присутствовали они и в уже традиционных для этого периода подбойных могилах, и в склепах совершенно новой для предгорного Крыма конструкции, принесенных, очевидно, новой волной мигрантов. По всей видимости, этот феномен отражает сложные процессы взаимодействия пришельцев и аборигенных жителей, возможно, маркирует формирование смешанных брачных союзов. Примечательно также, что рассматриваемые наборы являются частью костюма женщин старше 20 лет и, по всей видимости, отражают их социальный статус в коллективе.

После середины III в. обычай обильно украшать одежду бусами исчезает. В 3-й хронологической группе отмечены только 3 по-

гребения с относительно большими бусинными наборами. Инвентарь этих погребений позволяет отнести их к середине III столетия или чуть позже. Это свидетельствует о том, что двухсотлетняя, очень устойчивая традиция уходила постепенно, некоторое время сосуществуя с инновациями, и была окончательно вытеснена ими к IV в. Новая модель костюма отличалась минимализмом декора: как правило, он ограничивался коротким ожерельем.

Крайне редко женский костюм украшался золотыми бляшками и другими мелкими золотыми предметами. В Опушкинском могильнике пока известны только два случая использования нашивных бляшек — в могилах №179 (Стоянова 2018: 84) и №362, датирующихся в пределах второй половины I—II в. Оба погребения содержали похожий инвентарь: среди прочих вещей в его состав входили по паре курильниц и довольно редкие для Крыма прямоугольные зеркала. Эти особенности выделяют указанные комплексы из остальной массы опушкинских могил. Нельзя исключать, что обладательницы не совсем стандартного набора вещей отличались особым социальным статусом. Следует еще отметить находки множества золотых бляшек в позднескифских склепах, где их нельзя соотносить с конкретными погребениями. Так что в среднесарматское время такие украшения использовались значительно чаще, чем представляется на основании результатов раскопок подбойных и грунтовых могил.

Фибулы обнаружены в 19 могилах, т.е. в каждом третьем женском захоронении. В хронологическом разрезе ситуация выглядит следующим образом: в 1-й группе фибулы сопровождали 47% погребений этого времени, во 2-й группе — 29%, в 3-й группе — лишь 16%. Согласно этим данным, в I — первой половине II в. н. э. фибулы использовала почти каждая вторая женщина, однако это утверждение верно только для части коллектива, практиковавшего обряд погребения умерших в индивидуальных могилах. В склепах с коллективными погребениями, функционировавших в это же время, фибулы встречаются гораздо реже, и, учитывая этот факт, следует признать, что в раннеримское время преобладающим был все-таки бесфибульный костюм (Стоянова 2021б: 29). Данные по 2-й и 3-й хронологическим группам вполне репрезентативны, поскольку исключают фактор позднескифских склепов. Примечательно, что процент использования застежек «опушкинскими» женщинами во второй половине II — первой половине III в. гораздо ниже, чем, напри-

Таблица 5.

Инвентарь женских погребений

Хронологическая группа	Всего погребений	Бусы	Подвеска фаянс.	Браслеты	Кольца, перстни	Серьги	Фибулы	Зеркало	Колокольчик	Золотые бляшки	Монеты	Сосуды гончарн. и к/л	Сосуд лепной	Сосуд стеклянный	Пряслице	Игла	Оселок	Кольцо с шишечками	Детали шкатулок	Нож
1	19	18	2	3	7	3	9	5	1	2	—	7	2	*	1	—	—	3	1	6
2	27	26	—	6	8	6	8	4	6	—	1	7	3	—	8	—	1	—	1	6
3	13	10	—	3	5	4	2	3	2	—	—	4	3	2	8	1	—	1	—	5
% от всех жен. погр.	100	92	3	20	34	22	32	20	15	3	1	30	13	5	28	1	1	6	3	28

* — обломок

мер, у женщин, похороненных в это же время в Нейзацком могильнике (Стоянова 2011а: 116). После середины III в. фибулы исчезают: в 3-й хронологической группе они сопровождали только два погребения. Любопытно, что во второй половине I — первой половине II в. использовались как одна, так и две фибулы, а в более позднее время преобладал костюм с одной застежкой.

Традиционными женскими украшениями считаются браслеты, перстни, кольца и серьги⁷. Перечисленные изделия сопровождали 43% погребений, т.е. почти каждая вторая женщина использовала дополнительные (помимо бус) украшения одежды. Носили их поразному. В большинстве случаев (15 погребений) выбирался какой-то один аксессуар, чаще всего это было кольцо или перстень, реже — серьги. Нередки случаи совмещения украшений: в семи могилах на погребенных были надеты или положены рядом серьги, браслет и кольцо (или перстень), в четырех серьги дополнялись перстнем или кольцом, и только в одном захоронении присутствовали браслет с кольцом. Наиболее значительна доля погребений с кольцами (22% всех женских захоронений) и серьгами (22%), меньше всего учтено погребенных с перстнями (17%).

Как правило, руку погребенной украшал один браслет, один перстень или одно кольцо. Исключения редки. Наиболее яркое зафиксиро-

вано в южном подбое могилы №9. Там похоронили двух женщин 20—25 и 35—40 лет. На руку одной из них надели два браслета и четыре кольца, а на другую руку — два браслета и кольцо (Храпунов, Стоянова 2013: 185). Серьги во второй половине I — первой половине II в. надевали по одной, позже — преимущественно попарно. Браслеты со второй половины III в. опускать в женские могилы стали крайне редко — всего зафиксировано три таких случая, в двух из них браслеты были парными (Храпунов, Стоянова 2022: 269, 273), к IV в. эта традиция полностью исчезает.

Только в одном женском погребении обнаружена гривна (Храпунов, Стоянова 2022: 269). Эти предметы вообще не очень характерны для населения крымских предгорий. Женщины и мужчины использовали гривны одинаково редко, а имеющиеся находки позволяют отнести их скорее к вещам детской субкультуры (Стоянова 2011б: 124), хотя материалы Опушкинского могильника этот вывод пока не подтверждают (лишь одно детское погребение здесь сопровождалось гривной).

Типично женским инвентарем считаются зеркала, хотя некоторые исследования показывают, что это утверждение верно лишь отчасти (Берсенева 2022). В Опушкинском могильнике с конкретными женскими погребениями можно соотнести 12 зеркал. В могилу всегда клали по одному целому зеркалу. Почти все зеркала сосредоточены в погребениях, совершенных в I — первой половине III в., лишь три экземпляра сопровождали захоронения середины — второй половины III столетия. Нет ни одного женского погребения IV в., с которым можно было бы уверенно соотнести зеркало.

⁷ По наблюдениям Б. Полит, основанным на анализе инвентаря из разных могильников предгорного Крыма с учетом антропологических определений, с женскими погребениями связаны 63% учтенных исследовательницей серег, 59% колец и перстней, 46% браслетов (Polit 2022: 160, 162, 167).

Орудия труда из женских погребений представлены керамическими пряслицами, иглой и оселком. В раннеримское время обычая помещать пряслица в погребения не было, только в одной могиле эти вещи были обнаружены, причем парой. В позднеримское время, напротив, пряслица сопровождали 40 % погребений, во всех случаях их клали в могилу по одному. Лишь единожды встречены игла и оселок, оба предмета — в склепах III в.

Традиционно женским атрибутом считаются шкатулки. Помещение их в женские могилы становится «едва ли не нормой» в погребальной практике крымских предгорий с конца I в. н. э. (Труфанов 2020: 178). На этом фоне почти полное отсутствие деталей ларцов, обнаруженных в женских погребениях Опушкинского могильника лишь дважды, кажется удивительным и пока необъяснимым. Возможно, их заменяли небольшими сумочками или мешочками, сделанными из кожи или ткани. В такие мешочки, как и в шкатулки, складывали разнообразные «ценности» — крупные бусины, зеркала, колокольчики, подвески, т. н. кольца «с шишечками», пряслица, небольшие ножи. О наличии таких мешочков в могилах свидетельствуют небольшие скопления предметов, расположенные, часто на пятне органического тлена, рядом с костяком. В некрополе Опушки такие скопления зафиксированы в 10 погребениях, причем все случаи достаточно равномерно распределены по хронологическим группам. Обычно мешочек с вещами клали у локтя или предплечья умершей или недалеко от стоп.

Мужские погребения. Инвентарь мужских захоронений существенно отличается от женских и детских (табл. 6). К числу самых распространенных категорий находок относятся ножи — они сопровождали 35 % погребений мужчин и сосредоточены, в основном, в склепах IV в. В более ранних комплексах они единичны.

Предметы вооружения найдены в 9 погребениях (22 % от общего числа), два из них относятся к 1-й хронологической группе, остальные — к 3-й. В погребениях второй половины II — первой половины III в. предметы вооружения не удалось соотнести ни с одним погребенным. В могиле №1, относящейся ко II в., захоронение воина-всадника сопровождалось двумя боевыми ножами, двумя мечами, луком и стрелами (Храпунов 2007а). В могиле №226 вместе с погребенным, одетым в расшитый золотыми нитями плащ, наряду со многими другими находками, оказались меч и колчан со стрелами (Khrapunov,

Stoyanova 2020). Вместе с похороненными в склепах IV в. обнаружены два меча, два топора и наконечник копья.

Основными деталями мужского костюма в течение всего периода функционирования могильника были фибулы и пряжки, сопровождавшие, соответственно, 27 % и 37 % изученных мужских погребений. Значимость этих аксессуаров со временем менялась. Так, в раннеримское время главными фиксаторами одежды были фибулы. Они сопровождали 60 % погребений 1-й хронологической группы, а пряжка была найдена лишь в одной могиле. В первой половине III в. оба вида застежек использовались одинаково часто, более того, могли сочетаться, как, например, у погребенного IV в склепе №38. Со второй половины III, и, в особенности, в IV в. н. э. пряжки практически полностью вытесняют фибулы — доля погребений этого времени с пряжками составляет 60 %, с фибулами — всего 15 %. Для скалывания краев одежды использовали одну фибулу, лишь однажды на костяке зафиксирована пара застежек. Пряжки, напротив, часто использовали по несколько (до четырех) экземпляров. Следует, правда, учитывать, что пряжками могли снабжаться не только пояса, но и портуля, не имеющая прямого отношения к костюму. Удивительно почти полное отсутствие в анализируемой выборке погребений других деталей ременной гарнитуры — лишь в одной могиле (№226) найден наконечник ремня.

Некоторые атрибуты мужских погребений могут показаться необычными. Так, в склепе №38 вместе с погребенным мужчиной приблизительно 20-летнего возраста лежал скифский наконечник стрелы. Все остальные скифские наконечники, как уже говорилось, найдены вместе с детьми. В этом же захоронении обнаружена игла — предмет, как кажется, больше характерный для женской субкультуры, но и в женских погребениях зафиксированный только единожды. Нередкими находками оказались в погребениях мужчин бусы — они сопровождали 22 % изученных комплексов всех хронологических групп. Если в могилах №№2, 138, 133, 134 с мужскими погребениями найдено по одной-две бусины, и их можно трактовать как застежки, то в других случаях дело обстоит иначе. В могиле 21 бусы находились на груди погребенного VI — мужчины приблизительно 35-летнего возраста. В погребении XII из той же могилы (мужчина приблизительно 30 лет) бусы лежали на костяке в разных местах. Также в разных местах находились бусы, а с ними и подвеска из египетского фаянса, на костяке 40—45-летнего мужчины

Таблица 6.

Инвентарь мужских погребений

Хронологическая группа	Всего погребений	Бусы	Подвеска фаянс.	Браслеты	Кольца	Серьги	Фибулы	Пряжки	Оружие	Конская сбруя	Кремень	Желез. стержень	Сосуды краснол.	Сосуд лепной	Сосуд стеклянный	Игла	Оселок, точ. камень	Кольцо с шипеч-ками	Нож
1	10	4	1	3	—	1	6	1	2	1	—	—	1	1	—	—	—	1	2
2	7	3	—	1	1	—	2	2	—	—	—	1	—	1	—	1	1	*	1
3	20	2	—	—	—	1	3	12	7	3	5	3	3	4	4	—	4	—	10
б/д	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
% от всех муж. погр.	100	22	2,5	10	2,5	5	27	37	22	10	12	10	10	15	10	2,5	12	7,5	35

* — обломок

в могиле №82. В могиле №164 несколько бусин оказалось на черепе мужчины 30—40 лет.

Очень редко мужчины использовали браслеты — они обнаружены только в четырех погребениях. Одно такое украшение найдено на руке мужчины 25—35-летнего возраста в могиле №158, датирующей второй половиной II — первой половиной III в. Один браслет надели на руку мужчины 35—40 лет во II в н.э., в могиле №34. На каждую руку по браслету надели мужчине 25—35 лет в могиле I в. №154. В уже упоминавшемся в связи с находками бус погребении XII могилы I в. №21 по железному браслету находилось на ногах погребенного (это единственный такой случай, зафиксированный при раскопках могильника).

Стоит обратить внимание на находки в мужских погребениях железных стержневидных предметов, обычно атрибутируемых как шилья, и обработанных кремней. В нашей выборке они отмечены в 10% и 12% погребений соответственно, во всех случаях в склепах, преимущественно IV в.н.э. По наблюдениям П. Мончинского и Б. Полит, очень часто в крымских погребениях их находят вместе. Аналогии из Центральной и Северной Европы позволили предположить, что эти комплекты использовались как огнива (Mączyński, Polit 2016a; 2016b). В Опушкинском могильнике такой комплект найден только в могиле №360, остальные предметы происходят из разных погребений. В женских и детских могилах они не выявлены.

Посудой сопровождалась погребения всех половозрастных групп. Самый высокий про-

цент захоронений с краснолаковой керамикой (30%) выявлен среди женских могил, самый низкий (10%) — в мужских. Лепные сосуды использовались почти в равной степени (от 11 до 15%) при погребении всех гендерных групп. Однако тут важно учесть следующий момент. Если до рубежа III—IV вв. посуду довольно регулярно ставили в погребения женщин и детей, обычно по одному, редко по два экземпляра, то позже положение кардинально изменилось. В начале IV в., наряду с другими существенными инновациями в культуре населения крымских предгорий (Храпунов 2021б), появилась традиция ставить в склепы десятки сосудов. Ясно, что в них находилась заупокойная пища и питье, предназначенные для похороненных, но отнести их с конкретными погребениями, как правило, невозможно, т.к. сосуды расставлялись вдоль стен погребальных камер, а не рядом с похороненными. Лепная посуда из детских погребений часто отличается от помещаемой в могилы взрослых — как правило, это миниатюрные сосуды разных форм, не совсем удобные для использования в быту, и, вероятно, изготавливаемые специально для детей.

Выводы

Материалы Опушкинского некрополя демонстрируют высокую вариативность элементов, отражающих погребальные традиции оставившего могильник населения. Разнообразие конструкций могил, деталей обряда и сопровождающего инвентаря обусловлены разными факторами, прежде всего, этно-

культурными и хронологическими, в меньшей степени — гендерными. Так, с половой дифференциацией умерших никак не связано использование тех или иных типов погребальных сооружений. Более того, и в подбойных, и в грунтовых могилах нередко встречаются парные захоронения взрослых обоего пола, а для склепов гендерная смешанность погребенных — типичная черта. Некоторые конструктивные особенности детских могил (меньшие размеры и глубина, иногда — отсутствие каменного заклада подбоев) объясняются вполне естественной практической целесообразностью. Не выявлено каких-либо устойчивых гендерных признаков и в погребальном обряде, а некоторые наблюдения, например, отсутствие скорлупы яиц, угольной подсыпки или остатков гроба в детских погребениях 3-й хронологической группы при наличии этих элементов в синхронных захоронениях взрослых, требуют проверки на более представительной выборке данных.

Более информативным с гендерной точки зрения является сопровождающий инвентарь. Правда, несмотря на его разнообразие, большинство вещей следует признать гендерно нейтральными, т.е. в одинаковой степени присущими представителям разных половозрастных групп. К таковым относятся фибулы, посуда, оселки, разнообразные подвески, кольца с «шишечками», ножи, а также украшения, на которых остановимся чуть ниже. Тем не менее, очевидно, что в целом состав инвентаря из женских и детских погребений очень похож, существенно отличаясь при этом от набора вещей из мужских погребений. К исключительно женским и детским аксессуарам относятся зеркала, пряслица и колокольчики, при этом в детские погребения опускали, как правило, обломки зеркал, а в женские — целые экземпляры. Однако этот маркер полностью исчезает в IV в. — ни в женских, ни в детских захоронениях этого времени зеркал нет. Пряслица, напротив, именно в IV столетии становятся одним из главных признаков женской идентичности. Помимо полового идентификатора, целые зеркала в сочетании с курильницами в раннеримское время, возможно, маркировали принадлежность женщин к сфере культа. Преимущественно детскими атрибутами являлись скифские наконечники стрел, фаянсовые амулеты, подвески из монет и раковин моллюсков. В погребениях взрослых эти вещи тоже встречаются, но крайне редко, и могут рассматриваться как девиантные.

Исключительно с мужскими погребениями связаны находки оружия, деталей конской сбруи, а также железных стержневидных предметов и кремней, служивших, вероятно, приспособлениями для добывания огня. Пряжки также сосредоточены в основном в мужских могилах.

Неоднозначным гендерным маркером следует признать украшения, в особенности бусы. Эти предметы встречаются в погребениях всех половозрастных групп. Для детей и женщин бусы являются почти неотъемлемой частью костюма, причем для детей даже в большей степени, чем для женщин, особенно в IV в. Бусы есть в каждом детском погребении, значит, их использовали для украшения и мальчиков, и девочек, начиная с младенчества. Однако бусы обнаружены и в каждом пятом мужском погребении, причем во всех хронологических группах (крайне редко они фиксируются в комплексах IV в.). Следовательно, для женских и детских погребений бусы является безусловным маркером, но не всякое погребение с бусами безусловно является женским или детским. Это же утверждение справедливо для других видов украшений — браслетов и серег, в меньшей степени — для колец, находки которых в мужских погребениях единичны.

Рассматривая бусы как элемент женской и детской субкультуры, стоит отметить, что сам факт их присутствия в погребении малоинформативен. Важно, какие бусинные наборы сопровождают захоронение и какова их функция. Вариативность этих наборов высока, однако выделяются устойчивые комбинации, не только типичные для определенного хронологического периода, но четко маркирующие пол и даже возраст их обладателей. Более того, на фоне этих устойчивых наборов выделяются девиации, например, присутствие у взрослых женщин наборов с фаянсовыми амулетами или крупными полихромными бусами, обычных для детского костюма. Кроме того, значимость бус как способа выражения своей гендерной идентичности меняется со временем. Наиболее ярко это отражено в женских погребениях второй половины II — первой половины III в., когда женщины, украшая костюм сотнями бус, демонстрировали свой гендерный статус. В IV в., напротив, необходимость подчеркивать свою женственность с помощью бусинного декора исчезает, для этого достаточно было, и то не всегда, неброских коротких ожерелий.

Близость состава инвентаря женских и детских погребений может свидетельствовать о том, что в общественном сознании людей, хоронивших в Опушкинском могильнике, по-видимому, дети социально находились рядом с женщинами, но не с мужчинами. Косвенно это может подтверждать факт погребения ребенка прямо на теле женщины или в непосредственной близости от нее, неоднократно зафиксированный в склепах позднеимского времени. Поскольку антропологически определить пол детей проблематично, невозможно выявить предметы, характерные для погребений мальчиков и девочек. В детские могилы не опускали вещи, маркирующие мужские погребения — оружие и конскую сбрую, хотя пряслица — атрибут женской субкультуры — имеются и у детей, причем разного возраста, начиная с 1—2 лет. Этот факт позволяет предположить, что взрослые все же могли с помощью тех или иных предметов подчеркнуть пол ребенка, показывая таким образом его принадлежность к той или иной гендерной группе. Следовательно, пряслица могли класть в погребения девочек, а, рассуждая гипотетически, экзотические для первых веков н.э. скифские наконечники стрел вполне могли рассматриваться как символическая замена оружия в погребениях мальчиков⁸. Возраст погребенных детей с пряслицами и скифскими наконечниками

свидетельствует, что предполагаемая половая дифференциация происходила уже в первые годы жизни ребенка.

На то, что гендерный (не только половой) статус детей при их погребении могли маркировать определенными вещами, указывают находки украшений, выполненных в полихромном стиле позднеимского времени. Они сопровождают погребения и женщин, и детей, причем последних — чаще. Вероятно, явно выделяющиеся на фоне остального, в массе своей небогатого погребального инвентаря, изделия в полихромном стиле должны были символизировать высокий имущественный и социальный статус погребенных, и этот статус передавался по наследству, даже если ребенок не доживал и до 1—2 лет. Являлись ли полихромные украшения еще и признаком пола детей, сказать затруднительно: не исключено, что в данном случае демонстрация половой принадлежности ребенка не была приоритетной.

Таким образом, на примере одного могильника, кажется, удалось наметить гендерные особенности погребений, выделить гендерные маркеры. В будущем можно попробовать расширить источниковую базу исследования за счет других могильников римского времени, расположенных в крымских предгорьях, что, конечно, позволит значительно уточнить выводы, сделанные в данной работе.

⁸ Вспомним, что скифский наконечник стрелы был обнаружен и в погребении 20-летнего мужчины (погр. IV в склепе №38 III в.н.э.). Состав инвентаря этого погребения специфичен: помимо наконечника (а также вполне естественных для мужчин пряжки и фибулы), умершего сопровождали игла и бусы. Наличие какого-либо одного не свойственного мужским погребениям элемента не стало бы поводом заострять на этом внимание, но их сочетание выглядит очень своеобразно. Проще всего объяснить такую картину ошибкой антрополога, но нельзя исключать и наличие потенциальных «трансвеститных гендерных категорий» (Берсенева 2008: 104).

Приложение 1. Сводная таблица детских погребений¹

№ могилы/ погребения	Тип могилы	Возраст, лет	Особенности обряда	Погребальный инвентарь																								Украсение в пол. стиле	32				
				Бусы	Подвеска из фа- янса	Браслет	Серьга	Кольцо	Перстень	Колокольчик	Фигула	Прямка	Зеркало	Зеркала об- ломки	Монета	Наконечник стрелы скифский	Детали головно- го убора	Астрагал	Гривна	Сосуд гончарный	Сосуд краснола- ковый	Сосуд лепной	Стенг. сосуда обломки	Кольцо с «ши- шечками»	Подвески из ме- талла	Нож	Оселок			Пряслице	Игла	31	Ракловина

1-я хронологическая группа																																		
16	Г			+	+	+					+																							
17	Г			+	+																													
18	Пл			+		+					+																							
21/III	Г	10		+																														
21/X	Г	3—4		+		+																												
21/XI	Г	3—4																																
21/XIII	Г	4		+																														
21/XV	Г	3—4		+																														
21/XVI	Г	3—4		+		+																												
21/XVIII	Г	11—12		+				+																										
21/XX	Г	3—4		+		+																												
22	Г	3		+								+																						
12	П			+		+							+																					
25	П			+		2	+				+					+																		
26	П			+		+		+																										
32	П	1—1,5		+		2									+																			
33	П			+		2	+		+		+					+					+													
43	Г	1		+		+				+																								
51	Г			+		3														+														
87	П	0,5	КП	+		+		+		+																								
94	Г	5—6		+													+				+													
100	П			+		+		+													+													
335	Г			+		+					+																							
97	Г	1—1,5		+													+			+														
138	Г			+			2				2																							

¹ Здесь и далее в таблицах используются сокращения: СП — северный подбой, ЮП — южный подбой, Г — грунтовая могила, П — подбойная могила, ДП — двойной подбой, Пл — плитовая могила, С — склеп, КП — коллективное погребение, КЖ — кость животного, УП — угольная подсыпка, Гр — гроб, СЯ — скорлупа яиц, БИ — без инвентаря, об. — обломки.

№ могилы/ погребения	Тип могилы	Возраст, лет	Особенности обряда	Погребальный инвентарь																											
				Бусы	Подвеска из фа- яныса	Браслет	Серьга	Кольцо	Перстень	Колокольчик	Фибула	Прямка	Зеркало	Зеркала об- ломки	Монета	Наконечник стрелы скифский	Детали головно- го убора	Астрагал	Гривна	Соуда гончарный	Соуда краснота- ловый	Соуда лентой	Стенг. сосуда	обломок Кольцо с «ши- пенками»	Подвески из ме- талла	Нож	Оселок	Пряслице	Игла	Раковина	Украшение в пол. стиле
30	п	4		+		+		+			+																				
31	п			+																											
47	г		кп		4	4		2			+					+					+										
57	п	0,5—5	кп	+		2											+														
161	г			+							+																				
170	г			+								+																			
171	г			+							2	+																			
172	г				+	+						+				+															
175	г			+									+																		
193	г			+							+	+													+						
241	г		жж	+		2	+				3	+																			
258	г			+		+	2	+			+														+						
289	г			+																											
349	п	4—5			+	2									2										+						
363	г			+																+											
107/сп	дп	1—3 мес.		+		+					+						2				+										
107/юп	цп			+			+				+	+																			
5	п			+		+		+			+	+														+					
56	п			+																	+										
146	г			+																											
165/сп	дп	8—12		+			2					+																			
165/юп	дп	3—7	кп	+							+				3					+	2									+	
281	г			+		+	+	2				+																			
286/сп	дп			+																											
286/юп	дп			+																											
53	г	6—7	кп	+							+																				
293	п			+	+	+						+	+				+			+											
2-я хронологическая группа																															
64	г			+							+									+						+					
67	г			+		2	2	+																			+				+
69	п			+		+	+	2																							
91	п			+				+			+		+																		
147	п			+		+																									
145	п		гр	+		+		+				+																			

[illegible]

Приложение 2. Сводная таблица женских погребений

№ погр.	Тип могилы	Возраст	Особенности обряда	Погребальный инвентарь																										
				Бусы	Серьга	Браслет	Перстень	Кольцо	Фигула	Гривна	Бляшки золотые	Зеркало	Пряслице	Игла	Нож	Оселок	Сосуд краснола- ковый	Сосуд лепной	Сосуд стеклянный	Курительница	Колокольчик	Наконечник стре- лы свинцовый	Подвеска веде- р- ковидная	Подвеска из фа- янса	Шкапулка	Монеты	Кольцо с «шише- ками»	Лонка	Асфальт	
1-я хронологическая группа																														
21/IX	Г	20—21																												
21/XV	Г	18—20		+																										
34	П	-	НН	+										+																
45/ЮП	ДП	35—40	УП	+						+					+															
45/СП	ДП	30		+									2					Об												
60	П	-		+							2			+																
84/СП/І	ДП	ок. 30		+	+			+		+																+				
84/СП/ІІ	ДП	ок. 30		+		2				2																				
84/ЮП	ДП	ок.20	УП	+						+							+								+					
149/ІІ	Г	18—20		+				+					+											4						
154/І	Г	50+												+																
154/ІІІ	Г	45+		+																										
162	Г	18—20	НН	+		2											+													
167	Г	35+		+				+		2														3			+			
179	Г	-	НН	+						2		+	+				+	+		2										
308/І	Г			+						+					+															
308/ІІ	Г			+				2		+				+													+			
358	Г	20—40		+									+																+	
362/ІІ	П	35—40		+	+					+		+	+		2		+		2		+		2							+
2-я хронологическая группа																														
9/ЮП/І	ДП	25—26	НН	+	+	4			5	+			+			+														
9/ЮП/ІІ	ДП	30		+																										
9/СП	ДП	-		+						+			+																	
38/І	С	20—25		+																							+			
38/ІІ	С	35		+															+								+			
38/V	С	20		+																										
58/І	С	-		+																										
59	С	-		+																										
75/І	С	45—50	УП	+																										
75/ІІІ	С	-	УП	+	+				+	+			+					+												
77/І	С	-	НН	+																						+				

[illegible]

[illegible]

Литература

- Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С. 2015. *Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология*. Волгоград: ВО РАНХиГС.
- Берсенева Н. А. 2008. Гендерный символизм в детских погребениях синташтинской культуры. *ПИФК* 22, 99—109.
- Берсенева Н. А. 2011. *Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях сарматской культуры*. Екатеринбург: УРО РАН.
- Берсенева Н. А. 2022. Зеркало в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала: маркер гендера или статуса, предмет культа или быта? *Stratum plus* (3), 159—170.
- Канторович А. Р., Храпунов И. Н. 2021. Бляхи в скифском зверином стиле из могильника Опушки. *КСИА* 265, 93—103.
- Крадин и др. 2005: Крадин Н. Н., Тишкин А. А., Харинский В. (ред.). 2005. *Социальная структура ранних кочевников Евразии*. Иркутск: ИрГТУ.
- Стоянова А. А. 2011а. Аксессуары женского костюма II — первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь: Доля, 115—151.
- Стоянова А. А. 2011б. Гривны из памятников Крыма сарматского времени. *МАИЭТ XVII*, 116—140.
- Стоянова А. А. 2012. *Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003—2009 гг.)*. Симферополь: Доля.
- Стоянова А. А. 2018. Погребение с провинциально-римским зеркалом и двумя курительницами из могильника Опушки в Крыму. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. IV. Симферополь: ИП Бровко А. А., 83—101.
- Стоянова А. А. 2021а. Об одном типе наборов бус из женских погребений римского времени предгорного Крыма. *ПИФК* (4), 92—120.
- Стоянова А. А. 2021б. Фибулы Опушкинского могильника (по материалам раскопок 2003—2020 гг.). *МАИЭТ XXVI*, 22—39.
- Труфанов А. А. 2019. Пряслица с изображениями животных из варварских могильников предгорного Крыма. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. V. Симферополь: ООО Фирма «Салта ЛТД», 282—299.
- Труфанов А. А. 2020. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I—IV вв. н. э. В: Майко В. В. (ред.). *История и археология Крыма XII*. Симферополь: Колорит, 163—200.
- Хазанов А. М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА* (4), 58—72.
- Храпунов И. Н. 2006а. Погребения детей в могильнике Нейзац. *МАИЭТ XII*, ч. 1, 161—250.
- Храпунов И. Н. 2006б. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац. В: Терпиловский Р. В. (ред.). *Готы и Рим*. Киев: Стилос, 42—51.
- Храпунов И. Н. 2007а. Погребение воина 2 в. н. э. из могильника Опушки. В: Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 115—124.
- Храпунов И. Н. 2007б. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац. *МАИЭТ XIII*, 31—55.
- Храпунов И. Н. 2010. Изделия сплетенные из железных колец. *БИ XXIII*, 459—462.
- Храпунов И. Н. 2018. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. III. Симферополь: ИП Бровко А. А., 137—169.
- Храпунов И. Н. 2020. Склеп с монетами III в. н. э. из могильника Опушки. *НАВ* 19, №2, 247—278.
- Храпунов И. Н. 2021а. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. VII. Симферополь: ООО Фирма «Салта ЛТД», 235—259.
- Храпунов И. Н. 2021б. Инновации IV в. н. э. в культуре населения крымских предгорий. *ПИФК* (3), 80—91.
- Храпунов и др. 2009: Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А. 2009. *Позднескифский склеп из могильника Опушки*. Симферополь: Доля.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2013. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму. В: Смын-тына Е. В. (ред.). *Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху*. Киев: Видавець Олег Філок, 184—207.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2020. Каменный склеп Опушкинского могильника. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. VI. Симферополь: ООО Фирма «Салта ЛТД», 66—112.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2022. Склеп III в. н. э. с украшениями в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. VIII. Севастополь: Альбатрос, 268—324.
- Храпунов и др. 2021: Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Канторович Р. А. 2021. Архаические и экзотические предметы из крымских могильников римского времени. В: Зайков А. В., Костромичев Д. А., Лесная Е. С. (ред.). *Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории*. Материалы научной конференции «АРХОНТ—2021». Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 335—338.
- Khrapunov I., Stoyanova A. 2020. Grave with Roman Imports in the Cemetery of Opushki in the Crimea. *Ziridava. Studia Archaeologica* 34, 287—304.
- Maczyński P., Polit B. 2016a. Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь: Наследие тысячелетий, 76—96.
- Maczyński P., Polit B. 2016b. Wytwory krzemienne z cmentarzyska z późnej starożytności Nejzac na Krymie. *Wiadomości Archeologiczne* LXVII, 175—193.
- Polit B. 2022. *Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.
- Trufanov A. A., Mordvintseva V. I. 2019. A Female Burial with Gold Jewellery from the Ust'-Al'ma Necropolis (Crimea) Dating from the 1st Century AD. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 25, No. 1, 162—179.

References

- Balabanova, M.A., Klepikov, V.M., Korobkova, E.A., Krivosheev, M.V., Pererva, E.V., Skripkin, A.S. 2015. *Polovozrastnaia struktura sarmatskogo naseleniia Nizhnego Povolzh'ia: pogrebal'naia obriadnost' i antropologiya (Gender and Age Structure of Sarmatian Population of the Lower Volga Basin: Funerary Rite and Anthropology)*. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).
- Berseneva, N.A. 2008. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* 22, 99—109 (in Russian).
- Berseneva, N.A. 2011. *Sotsial'naia arkhologiya: gender, vozrast i status v pogrebeniiakh sargatskoi kul'tury (Social Archaeology: Gender, Age and Status in Burials of the Sargat Culture)*. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
- Berseneva, N.A. 2022. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 159—170 (in Russian).
- Kantorovich, A.R., Khrapunov, I.N. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 265, 93—103 (in Russian).
- Kradin, N.N., Tishkin, A.A., Kharinskii V. (eds.). 2005. *Sotsial'naia struktura rannikh kochevnikov Evrazii (Social Structure of Early Nomads of Eurasia)*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University (in Russian).
- Stoianova, A.A. 2011. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Issledovaniia mogil'nika Neizats (Research of the Neusatz Necropolis)*. Simferopol: "Dolya" Publ. House, 115—151 (in Russian).
- Stoianova, A.A. 2011. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XVII, 116—140 (in Russian).
- Stoianova, A.A. 2012. *Detskie pogrebeniia iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003—2009 gg.) (Children Burials from the Opushki Cemetery: on results of excavations in 2003—2009)*. Simferopol: "Dolya" Publ. House (in Russian).
- Stoianova, A.A. 2018. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n.e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* IV. Simferopol: IP Brovko A.A., 83—101 (in Russian).
- Stoianova, A.A. 2021. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* (4), 92—120 (in Russian).
- Stoianova, A.A. 2021. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXVI, 22—39 (in Russian).
- Trufanov, A.A. 2019. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n.e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* V. Simferopol: "Salta Ltd" Publ., 282—299 (in Russian).
- Trufanov, A.A. 2020. In Maiko, V.V. (ed.). *Istoriia i arkhologiya Kryma (History & Archaeology of Crimea)* XII. Simferopol: "Kolorit" Publ., 163—200 (in Russian).
- Khazanov, A.M. 1963. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 58—72 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2006. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XII, ch. 1, 161—250 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2006. In Terpilovskii, R.V. (ed.). *Goty i Rim (Goths and Rome)*. Kyiv: "Stilos" Publ., 42—51 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2007. In Zaitsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. (eds.). *Drevniia Tavrika (Ancient Taurica)*. Series: Archaeological Studies. Simferopol: "Universum" Publ., 115—124 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2007. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XIII, 31—55 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2010. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporos Studies)* XXIII, 459—462 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2018. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n.e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* III. Simferopol: IP Brovko A.A., 137—169 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19, №2, 247—278 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2021. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n.e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* VII. Simferopol: "Salta Ltd" Publ., 235—259 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2021. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* (3), 80—91 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A., Stoianova, A.A. 2009. *Pozdneskifskii sklep iz mogil'nika Opushki (Late Scythian Crypt from the Opushki Burial Ground)*. Simferopol: "Dolya" Publ. House (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A. 2013. In Smyntyna, E.V. (ed.). *Varvarkii mir severopontiiskikh zemel' v sarmatskuiu epokhu (The Barbarian World of North Pontic Lands in the Sarmatian Epoch)*. Kyiv: "Oleg Filyuk" Publ., 184—207 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A. 2020. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n.e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* VI. Simferopol: "Salta Ltd" Publ., 66—112 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A. 2022. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n.e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* VIII. Sevastopol: Al'batros, 268—324 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A., Kantorovich, R.A. 2021. In Zaikov, A.V., Kostromichev, D.A., Lesnaia, E.S. (eds.). *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodki, teorii (Classical Relics of Chersonese: Discoveries, Finds, Theories)*. Proceedings of the Scientific Conference «ARKhONT—2021» ("Archon-2021"). Sevastopol: State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonese", 335—338 (in Russian).
- Khrapunov, I., Stoyanova, A. 2020. Grave with Roman Imports in the Cemetery of Opushki in the Crimea. *Ziridava. Studia Archaeologica* 34, 287—304.
- Mączyński, P., Polit, B. 2016. Fire Striking Tools from the Neizats and Druzhnoe Cemeteries. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n.e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* II. 20 let issledovaniia mogil'nika Neizats (20 Years of Studies on the Neusatz Burial Ground). Simferopol: "Nasledie ty-siacheletii" Publ., 76—96.
- Mączyński, P., Polit, B. 2016. Wytwory krzemienne z cmentarzyska z późnej starożytności Neizac na Krymie. *Wiadomości Archeologiczne* LXVII, 175—193.
- Polit, B. 2022. *Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.
- Trufanov, A.A., Mordvintseva, V.I. 2019. A Female Burial with Gold Jewellery from the Ust'-Al'ma Necropolis (Crimea) Dating from the 1st Century AD. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 25, No. 1, 162—179.

Igor Khrapunov (Simferopol, Crimea). Doctor of Historical Sciences. V.I. Vernadsky Crimean Federal University¹.

Igor Khrapunov (Simferopol, Crimeea). Doctor în științe istorice. Universitatea Federală din Crimeea „V. I. Vernadsky”.

Храпунов Игорь Николаевич (Симферополь, Крым). Доктор исторических наук. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.

E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3961-6297

Anastasiya Stoyanova (Simferopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences².

Anastasiya Stoyanova (Simferopol, Crimeea). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie din Crimeea al Academiei de Științe a Rusiei.

Стоянова Анастасия Анзоровна (Симферополь, Крым). Кандидат исторических наук. Институт археологии Крыма Российской академии наук.

E-mail: ancient2008@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8364-6135

Scopus Author ID: 57219359706

Addresses: ¹ Academician Vernadsky Ave., 4, Simferopol, 295007, Crimea; ² Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea

Список сокращений

АГУ	— Абхазский государственный университет. Сухум.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Екатеринбург / Свердловск.
АИБ	— Археология и история Боспора. Симферополь.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АН	— Академия наук.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП, АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АРГУ	— Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова. Актобе.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БелГУ	— Белгородский государственный университет. Белгород.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВО РАНХиГС	— Волгоградское отделение Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Волгоград.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГИАМЗ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник.
ГПИ	— Государственный педагогический институт.
ГУ	— Государственный университет.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДагНЦ РАН	— Дагестанский научный центр Российской Академии наук. Махачкала.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ЖХК	— жилищно-хозяйственный комплекс.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАНД	— Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИБ РАН	— Институт востоковедения Российской академии наук. Москва.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Историко-культурный заповедник «Більськ». Котельва.
КБГУ	— Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Нальчик.
КБН 1965	— Струве В.В. (ред.). 1965. Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград: Наука.
КБН 2004	— Гаврилов А.К. (ред.). 2004. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом). Санкт-Петербург: Алетея (Bibliotheca classica Petropolitana).
КБНЦ РАН	— Кабардино-Балкарский научный центр Российской Академии наук. Нальчик.
КГГИ	— Крымский государственный гуманитарный университет. Ялта.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
КНИИТМ	— Казахский научно-исследовательский институт тюркологии и монголистики. Алматы.
кол. вкл.	— кольорова вклейка (цветная вклейка).
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИАК	— Материалы по истории и археологии Кубани.
НА ІА НАНУ	— Научний архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НАО	— научное археологическое общество.
НИЦИАК КФУ	— Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь.
ОГУ	— Оренбургский государственный университет. Оренбург.
ОмГУ	— Омский государственный университет. Омск.
ОНТИ ПНЦ РАН	— Отдел научно-технической информации Пуштинского научного центра Российской Академии наук. Пушкино.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РУДН	— Российский университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбГУПТД	— Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. Санкт-Петербург.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТОВ	— товариство з обмеженою відповідальністю (ООО).
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ БФ	— Центр археологических исследований, благотворительный фонд «Деметра». Керчь.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'ятокознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЮУрГГПУ	— Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск.
BRGK	— Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Frankfurt am Main.
CNRS	— Centre national de la recherche scientifique. Paris.
RIC	— Roman Imperial Coinage. London.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.
ZRC SAZU	— Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana.